

— Мастер Шао, вы Сяо Лю не видели?

— Кажется, мелькал тут недавно, а сейчас и не знаю, куда запропастился. Может, играет где?

— Мастер Шао, не отрываясь от дела, покрывал древесину тунговым маслом. Он кивнул в сторону тропинки, ведущей в задний дворик книжного кабинета. — Ты, Цзюнь-гэер, поищи там.

Янь Цзызюнь поблагодарил мастера и поспешил в указанном направлении.

Странное дело: еще утром Сяо Лю приводил в порядок посуду в чайной комнате. Он отлучился всего на четверть часа к Заведующему Баю за вещами, а когда вернулся — мальчишки и след простыл.

Миновав ворота, Цзызюнь двинулся на запад. Путь лежал через искусственную горку и цветущий сад. Внезапно до него донеслись приглушенные рыдания. Прислушавшись, он узнал голос Сяо Лю. Он встревожился. Янь Цзызюнь прибавил шагу и наконец обнаружил беглеца у западной стены, под густыми плетями цветущей глицинии.

Сяо Лю сидел на корточках, уткнувшись лицом в колени. Судя по всему, плакал он долго: лицо его покраснело и опухло, как у испуганного кролика, а нос смешно шмыгал. Завидев Цзызюня, он жалобно всхлипнул:

— Братец Цзызюнь...

Убедившись, что мальчик цел и невредим, Цзызюнь облегченно выдохнул:

— Я ходил к управляющему за одеждой на новый сезон, вернулся — а тебя нет. Вместо того чтобы работать, ты тут прячешься и сырость разводишь. Что случилось?

Сяо Лю замялся, явно не решаясь заговорить. Цзызюнь, отбросив раздражение, попытался поднять его за руку, но мальчишка упирался, отворачиваясь, и лишь нехотя позволил вытащить себя на свет.

Нрав у Сяо Лю был кротким: даже если его обижали, он редко жаловался. Видя его в таком состоянии, Цзызюнь не на шутку удивился:

— Да что же стряслось? Заведующий Бай отругал?

Мальчик шмыгнул носом и покачал головой.

— Может, слуги из внешнего двора приходили? Видят, что ты парень мягкий, вот и решили поизмываться?

Сяо Лю опустил голову еще ниже и снова покачал ею.

Янь Цзызюнь задумался. Внезапная догадка поразила его. Понизив голос до шепота, он спросил:

— Если всё, что я сказал — мимо, значит... Господин заходил? Поймал тебя на безделье, да?

Сяо Лю зарыдал еще горше. Слезы, точно крупные жемчужины, одна за другой покатались по щекам и закапали на землю.

«Ну точно, угадал», — пронеслось в голове у Цзызюня.

Видя, что истерика затягивается, он закатал рукава и принялся вытирать мальчику лицо.

— Неужели я прав? — голос Цзызюня стал мягче.

— Угу, — Сяо Лю наконец немного успокоился и едва слышно подтвердил догадку.

— Раз уж натворил дел, какой толк сидеть и реветь? Слезами горю не поможешь. Рассказывай всё как есть. Если дело поправимое — придумаем, как исправить, а нет — попробуем вместе скрыть, пока не поздно.

— Братец Цзызюнь, такое не скроешь, — простонал Сяо Лю. — Если Господин узнает, мне несдобровать.

Мальчишка был еще совсем юн. Ну какую беду он мог накликасть по недосмотру или из-за ребячества?

Цзызюнь невольно вздохнул. Из-за того, что Лу Чуньлиня в поместье все любили, к его внуку, Сяо Лю, относились с особым снисхождением. Парень хоть и подрос, а остался трусоватым и несамостоятельным. Столкнувшись с малейшей трудностью, он тут же терял самообладание — во многом из-за того, что его слишком уж баловали.

Вспомнив недавнюю историю на задней горе с той лисицей-оборотнем, Цзызюнь помрачнел. Лао Юань тогда допустил серьезную оплошность, но Чу Цзыюнь не стал его люто карать — просто выставил за ворота, предоставив самому искать средства к существованию.

Уводя Сяо Лю обратно, Цзызюнь всю дорогу приводил в пример историю Лао Юаня, пытаясь утешить мальчишку. Лишь спустя время он понял: больше всего Сяо Лю боялся, что их с дедом, как и того Заведующего Юаня, попросту вышвырнут из Сяньюаня.

«Странные они, — подумал Цзызюнь. — Будто и жизни другой не знают. Разве можно так привыкнуть к роли слуги, что и воли не желать?»

Он не понимал их привязанности к этому месту. Для него мир был огромен, и он верил: где-нибудь под небом всегда найдется клочок земли для честного человека. Рабская покорность местных казалась ему малодушием.

Вернувшись в книжную комнату, Цзызюнь усадил Сяо Лю на циновку, принес таз с теплой водой и чистым полотенцем бережно отмыл его заплаканное лицо.

Когда мальчик немного пришел в себя, он молча потянул Цзызюня за стеллажи в сокровищницу.

— Братец Цзызюнь, взгляни... Это еще можно спасти? — Сяо Лю дрожащей рукой указал на пол. Он снова был в отчаянии. — Этот цинь зовется «Люйци», Господин играет на нем чаще всего. Сегодня на пиру в честь Середины Осени музыка должна услаждать слух гостей, и Господин велел подготовить именно его. А я утром убирался здесь и... нечаянно задел стеллаж спиной. Инструмент рухнул прямо на пол.

Цзызюнь присел на корточки, внимательно разглядывая обломки. Цинь раскололся надвое. Он осторожно взял обе части и приложил их друг к другу. Линия разлома была чистой, зубцы дерева идеально совпадали. Если приложить усилия и действовать осторожно, починить его было возможно.

Прижав обломки к груди, Цзызюнь приложил палец к губам, призывая к молчанию.

— Тсс... Никому ни слова. Неси большой отрез ткани.

Сяо Лю, совершенно растерявшись, не посмел спорить и бросился на поиски. Вскоре он вернулся с куском красного шелка.

— Братец, зачем это?

Цзызюнь уложил сломанный цинь на середину ткани, тщательно завернул его и затянул несколько крепких узлов.

— Отнесу к себе. А ты веди себя как ни в чем не бывало. Выкинь это из головы, я сам со всем разберусь.

Сяо Лю захлопал глазами и, словно очнувшись, попытался перехватить узел:

— Нет, отдай мне! Я пойду к Заведующему Баю и во всем покаюсь. Это моя вина, мне и

отвечать. Нельзя, чтобы ты из-за меня пострадал.

Но Цзызюнь не отдал ношу.

— Послушай меня, — твердо сказал он. — Раньше я учился плотницкому делу. Восстановить такой разлом для меня не составит труда, нужно только время. Раз ты так боишься изгнания, будь умнее: об этом деле никто не должен узнать. Понял? Кивни, если понял.

Сяо Лю покорно закивал, но тут же спросил:

— А если Господин узнает? Разве тебе не страшно?

Цзызюнь лишь усмехнулся и ласково потрепал мальчишку по голове.

«Бояться гнева Чу Цзюиня? Да бросьте. Можно подумать, он меня раньше не наказывал».

Сценарий ведь всегда один и тот же: сначала Господин вспылит на ровном месте, потом начнет придираться к каждой мелочи, а под конец — велит всыпать как следует. Ничего нового.

Какие бы кары ни измыслил Чу Цзюинь, Цзызюнь был намерен выжить. Выжить, чего бы это ни стоило, и однажды найти способ навсегда покинуть это проклятое место.

От этой мысли ему даже стало весело.

«Если удача улыбнется мне, и Чу Цзюинь узнает о проделке... может, он в ярости просто вышвырнет меня вон из этого поместья? Лучшего подарка и не придумать!»

Денег он скопил предостаточно. Если удастся выбраться, обменяет ценности на серебро — и на безбедную жизнь в большом мире точно хватит.

Летний зной окончательно отступил, уступив место ранней осенней прохладе. Наступил праздник Середины Осени. В павильоне Цзюсянь-ге Чу Цзюинь устроил грандиозный пир, созвав бессмертных друзей и соратников полюбоваться цветением хризантем. Ночное торжество так и нарекли — «Хризантемовый пир».

Гости собрались знатные: старые друзья и верные союзники Господина, чья сила и мудрость не знали границ. В назначенный час столы ломились от яств. Янтарное вино искрилось в хрустальных чашах, изысканные блюда на белом нефрите казались сошедшими с полотен великих мастеров. Звучали колокола и литавры, музыка лилась точно родниковая вода. Зал

утопал в аромате хризантем. Гости, заняв места согласно чину, поднимали кубки, и вскоре под сводами павильона воцарилось веселое оживление.

Однако, несмотря на всё великолепие и шумное веселье, Чу Цзюинь, восседавший во главе стола, едва сдерживался. Внешне он казался любезным и радушным, но внутри него klokотало раздражение, готовое вот-вот вырваться наружу.

Цзя Лун, неотлучно следовавший за хозяином, заметил перемену в его лице. Зная крутой нрав Господина, управляющий не на шутку встревожился. Чтобы гнев не обрушился на слуг в самый разгар праздника, он решил осторожно прощупать почву.

— Господин выглядит утомленным. Блюда не по вкусу? Или музыка слишком резка для ваших ушей? Только прикажите — я вмиг всё исправлю.

Чу Цзюинь, хоть и преуспел в самосовершенствовании, терпеть не мог резких запахов и вкусов. Крепкое вино он недолюбливал, но в праздник Середины Осени не мог отказать гостям. Традиционное хризантемовое вино он пригубил лишь для приличия, после чего отставил кубок и перешел на чай.

Он протянул чашу Цзя Луну.

— Сам попробуй. Пресное, как колодезная вода. Что это за пойло?

Цзя Луну и пробовать не надо было — он и так всё понял.

— В этом году хризантемы в горном саду не задались, — понурился, оправдываясь он. — Потому и вино вышло не таким ароматным. Глаз Господина остер, а чувства тонки — вы сразу почувствовали подвох.

Чу Цзюинь только поморщился.

— Хватит лить мне в уши этот мед! Даже если урожай плох, зеленых хризантем в саду вполне хватило бы. Не ищи оправданий своей лени. Просто признай: вы забросили дела!

Цзя Лун не смел возражать и лишь низко кланялся. Видя его покорность, Чу Цзюинь немного смягчился.

— Ладно, выкладывай, что у тебя там еще. Не томи. Что опять стряслось на задней горе?!

Цзя Лун, обрадованный тем, что Господин дал ему возможность сменить тему, принялся вдохновенно врать. Он заранее договорился с горным смотрителем и теперь расписывал козни неведомых злых духов, якобы мешавших сбору цветов.

Чу Цзюинь, хоть и не был пьян, чувствовал легкий хмель. Про историю с лисицей он поначалу и не вспомнил, но, слушая путанные объяснения управляющего, начал что-то подозревать. Память внезапно подсунула нужные образы, и Господин помрачнел.

Он сухо кашлянул, прерывая Цзя Луна:

— Да уж, времена нынче беспокойные. Что поделаешь, если всякая нечисть так и норовит пробраться в сад. Главное — гоните их в шею.

Управляющий облегченно выдохнул. Кажется, пронесло.

Между тем луна достигла зенита, и пиршество вошло в полную силу. Чу Цзюинь поднялся и велел принести прославленный цинь «Люйци». Слуги бережно установили инструмент на резной стол перед ним.

Жестом отослав челядь, Господин занял свое место. Сначала он едва коснулся струн, пробуя их на ощупь, а затем пальцы его уверенно заскользили по деке. Послышались удары и щипки, и над павильоном поплыли первые звуки — строгие, чистые и глубокие, точно капли росы, падающие в тихий пруд.

Гости замерли, внимая божественной мелодии.

— Искусство брата Чу не знает равных! — воскликнул один из присутствующих. — Звуки легки и прозрачны, в них слышится само дыхание ветра в соснах. Нам, простым смертным, о таком мастерстве остается лишь мечтать.

— И то верно, — подхватил другой. — Эта мелодия — «Заклинание Очищения сердца и спасения мира». Брат Чу специально выбрал её, чтобы помочь нам укрепить дух. Прими нашу искреннюю благодарность.

С этими словами он почтительно поклонился.

Обычно подобные похвалы льстили Чу Цзюиню, и он бы уже вовсю упивался триумфом. Но сейчас он оставался мрачнее тучи. Внутри него росло глухое недовольство, и Цзя Лун, стоявший поодаль, с тревогой наблюдал за Господином.

Видя, что хозяин не в духе, управляющий поспешил завершить пир пораньше. Когда последние гости разошлись, Цзя Лун вернулся в зал и увидел, как Чу Цзюинь пришел в ярость.

Сердце управляющего ушло в пятки. Он не посмел спросить, что случилось, и просто замер, ожидая грозы.

Чу Цзюинь низко наклонился над инструментом, присматриваясь к лаковой поверхности. Затем он перевернул цинь, заглядывая в резонаторное отверстие — «Драконий пруд». В следующее мгновение тишину павильона расколол яростный окрик:

— Кто смотрит за инструментами в Шучао?! Немедленно привести этого мерзавца ко мне!

<http://bllate.org/book/17484/1695165>